

X 31
K 70

188.

1286

Богородице
Умарино Александрову
Ивановскому

Корр

на годично памятник
на абура

4/17 I 1914

СПб

Корф

Прозерне 1881 г.
ПРОВЕРЕНО
2000 г.

Конституція Невшателя 1814 года.

Нашей литературѣ почти неизвѣстны подробности Невшательской конституціи 1814 года; между тѣмъ во многихъ отношеніяхъ она содержитъ весьма интересныя данныя, въ особенности въ виду ея духовнаго родства съ конституціями Финляндіи (1809 г.) и Польши (1815 г.).

1.

Въ началѣ XVIII вѣка престолъ княжества Невшатель оказался вакантнымъ; послѣ долгихъ колебаній и несмотря на угрозы могущественной сосѣдки, Франціи, населеніе княжества высказалось въ пользу прусскаго короля. Побудительными причинами такого на первый взглядъ страннаго выбора были, во-первыхъ, отдаленіе короля — князя, у котораго вельдѣствіе этого не было возможности активно вмѣшиваться въ управленіе Невшателя, а во-вторыхъ, исповѣданіе имъ протестантской религіи¹⁾. Съ 1707 года Фридрихъ Гогенцоллернъ сталъ такимъ образомъ владѣть княжествомъ въ качествѣ «сувереннаго принца Оранскаго, Невшательскаго и Валенгинскаго»; Невшательцамъ это было очень выгодно, такъ какъ обезпечивало имъ почти полную внутреннюю самостоятельность, и одновременно создавало нѣкоторую внѣшнюю защиту отъ посягательствъ Людовика XIV; дѣйствительно, послѣднему скоро пришлось признать нейтралитетъ Невшателя. Утрехтскій миръ закрѣпилъ окончательно за прусскимъ королемъ суверенныя права на Невшательскій столъ (1713 г.)²⁾.

¹⁾ Выборъ Гогенцоллерна былъ, впрочемъ, не безъ нѣкотораго юридическаго обоснованія; Фридрихъ располагалъ извѣстными наследственнымъ притязаніями; послѣднія описаны напр. у Н. J. F. Schulze, Die staatsrechtliche Stellung des Fürstenthums Neuenburg, Jena, 1854; см. главы X и XI и цит. у него литературу.

²⁾ Соотвѣтствующіе акты передачи княжескаго престола Гогенцоллернамъ напечатаны у Шульце, о. с., Urkundenbuch, XIX, XX. См. также G. A. Stenzel, Geschichte der Europäischen Staaten, Bd. 3, s. 137 u. ff., Hamburg, 1841.

Пруссіе короли спокойно владѣли Невшателемъ около столѣтія, гарантируя ему полную автономію; князь былъ представленъ въ княжествѣ, какъ и прежде губернаторомъ и совѣтомъ (*gouverneur et conseil d'Etat*); согласно общераспространеннымъ теоріямъ того времени, въ рукахъ монарха сосредоточивались всѣ власти и функции государства, власть политическая, законодательная (которою пользовались весьма рѣдко и только въ исключительныхъ случаяхъ), власть административная и судебная, равно и право надзора за коммунами; осуществлялась же власть князя черезъ посредство небольшой аристократической группы, нѣсколькими дворянскими семьями Невшателя; главнымъ органомъ княжества являлся *Conseil d'Etat*. Легко понять, что аристократамъ Невшателя подобная государственная организація представлялась весьма выгодной, вслѣдствіе чего они долгое время столь старательно и защищали права прусской короны. Необходимо помнить при этомъ, что и прочіе кантоны тогдашней Швейцаріи, управлялись количественно очень незначительными олигархіями (напр. Бернъ, Фрейбургъ, Золотурнъ, Люцернъ).

Наполеоновскія войны принесли съ собой много неожиданностей, между прочимъ, и для Невшательскаго княжества. Въ 1806 году оно было отнято у Пруссіи (ст. V Шенбрунскаго мирнаго договора, 5 декабря 1805 г.), и передано одному изъ любимцевъ Наполеона, начальнику его штаба; знаменитому Бертье¹⁾, который, впрочемъ, ни разу лично не посѣтилъ свои швейцарскія владѣнія; Невшательская олигархія, со смѣною князя и губернатора, продолжала попрежнему автономно управлять княжествомъ. Новый губернаторъ *baron Lespérut*, очень скоро убѣдился въ выгодахъ сохраненія прежняго порядка вещей, благодаря чему оказался незатронутымъ и государственный строй княжества; произошла лишь смѣна княжеской династіи, во главѣ же управленія по старому оставался *Conseil d'Etat*²⁾.

Паденіе Наполеона должно было неизбежно поднять вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ княжества и о реставраціи Гогенцоллерновъ. Помня прежнія хорошія времена прусскаго режима XVIII столѣтія

¹⁾ Въ Невшательской исторической и юридической литературѣ долго существовалъ непримиримый споръ на счетъ того, была ли уступка Невшателя Наполеону со стороны Пруссіи добровольнымъ актомъ или нѣтъ, имѣлъ ли прусскій король право отказаться отъ княжества или не имѣлъ; намъ этотъ споръ представляется чисто политическимъ между реакціонерами-монархистами и республиканцами; въ настоящее время онъ утерялъ значеніе. См. напр. труды *Piaget, de Chambrier*, и мн. др. невшательцевъ.

²⁾ См. напр. *Hermann Schulze*, о. с. S. 147; *L. Grandpierre*, *Histoire du Canton de Neuchâtel sous les Rois de Prusse (Mémoires politiques)*, p. 25 et 5.

и имѣя въ виду свои личные интересы, совѣтъ поспѣшилъ предложить прусскому королю возстановить его сюзеренныя права надъ княжествомъ¹⁾, чѣмъ послѣдній непреминулъ воспользоваться²⁾.

Дѣло, однако, оказалось не столь простымъ въ виду необходимости урегулировать отношенія Невшателя къ союзу Швейцарскихъ кантоновъ; многіе изъ кантоновъ (въ особенности Бернъ и Базель) стали энергично протестовать на включеніе Невшателя именно въ виду отношеній послѣдняго къ прусской коронѣ; присоединить Невшатель имъ всѣмъ хотѣлось, но кантоны боялись какъ огня вмѣшательства въ швейцарскія дѣла Берлинскаго правительства³⁾; послѣ значительныхъ колебаній большинство кантоновъ высказалось 12 сентября 1814 года за принятіе Невшателя въ союзъ, оградивъ, однако, послѣдній отъ возможныхъ посягательствъ со стороны прусскихъ королей; такъ, между прочимъ, въ актѣ соединенія (*acte de Réunion*) мы находимъ специальную статью, согласно которой всѣ дѣла, касающіяся Швейцарскаго союза, равно ратификація и исполненіе постановленій Швейцарскихъ союзныхъ органовъ, будутъ подлежать вѣдѣнію органовъ, находящихся въ самомъ Невшателѣ (гдѣмъ исключался король и его Берлинское правительство), при чемъ запрещено было требовать санкціи рѣшеній швейцарскихъ органовъ со стороны короля («concerneront exclusivement le gouvernement résidant à Neuchâtel, sans exiger aucune ratification, ni sanction ultérieure»; art. 1 de l'acte de Réunion de Neuchâtel avec la Suisse du 19 mai 1815).

Вѣнскій конгрессъ закрѣпилъ эти нормы, возстановивъ, съ одной стороны, сюзеренныя права прусскихъ королей надъ Невшателемъ, санкціонировавъ, съ другой, его присоединеніе на указанныхъ условіяхъ къ Швейцарскому союзу⁴⁾. Благодаря всему этому получилась весьма оригинальная комбинація участія монархическаго княжества въ республиканской федераціи; правильно указывалъ еще Гервинусъ⁵⁾, что этимъ создавался неизсякаемый источникъ всякихъ недоразумѣній и треній; другими словами, положеніе

1) Подробнѣе см. обширную переписку Chambrier d'Oleyres съ Берлинскимъ правительствомъ, напечатанную у Piaget, *Histoire de la Révolution neuchâteloise*.

2) См. акты, напечатанные у Шульце, о. с., стр. 281 и сл.: *Adresse des quatre Bourgeoisies à S. M. le Roi de Prusse du 3 Février 1814, Réponse de S. M., Adresse des quatre Bourgeoisies du 21 Avril 1814, Acte d'abdication du Prince Alexandre Berthier du 3 Juin 1814 et Déclaration du Roi du 4 Juin 1814*.

3) Эти чувства очень рельефно описаны въ мемуарахъ канцлера Триболе, *Mémoires du Chancelier de Tribolet*, 1819.

4) См. напр. J. J. Blumer, *Handbuch des Schweizerischen Bundesstaatsrechtes*, Bd. I (3 Aufl.), S. 69 u. ff., Basel, 1891; H. Schulze, о. с., Cap. XVII.

5) G. G. Gervinus, *Geschichte des Neunzehnten Jahrhunderts*, Bd. I, S. 256, Leipzig, 1855.

оказалось въ общемъ маложизненнымъ; тотъ же король, который въ княжествѣ былъ почти самодержецъ (по крайней мѣрѣ по теоріи роялистовъ), въ отношеніи союза являлся чужимъ монархомъ далекаго сѣвернаго государства, не имѣвшимъ ни малѣйшаго права вмѣшиваться въ швейцарскія дѣла; само собою понятно, что это должно было способствовать росту чувства розни между Невшателъскими монархистами и республиканцами; недаромъ пруссаки многихъ послѣдующихъ поколѣній считали величайшей ошибкой Пруссіи то, что она дозволила и допустила включеніе Невшателя въ Швейцарскій союзъ; по ихъ мнѣнію это явилось главнѣйшей причиной революцій 1831 и 1848 годовъ и послѣдовавшаго затѣмъ отпаденія княжества ¹⁾ ²⁾).

Уже съ 1815 года въ Швейцарскихъ кантонахъ стало развиваться, притомъ весьма быстро и успѣшно, демократическое движеніе, охватывавшее все большіе слои населенія. Въ Базелѣ, Невшателѣ и другихъ кантонахъ олигархіи еще нѣкоторое время сумѣли удержатъ власть въ своихъ рукахъ, но для большинства дальновидныхъ современниковъ было уже ясно, что такое положеніе продержится недолго и что олигархіямъ придется сдаться предъ натискомъ растущей демократіи ³⁾. Съ точки зрѣнія прусскихъ монархистовъ такой опасный привѣсокъ къ Прусской коронѣ, какимъ былъ теперь Невшатель, не представлявшій Пруссіи къ тому же особыхъ выгодъ, не могъ быть пріятнымъ и желательнымъ; для реакціонныхъ совѣтниковъ прусскаго короля Невшатель былъ постояннымъ memento mori и неудивительно поэтому, что въ концѣ концовъ они постарались отъ него отдѣлаться.

Революціонное движеніе 1831 года, развивавшееся подъ вліяніемъ французскихъ событій 1830 года, задѣло и Невшатель, но было скоро подавлено. Въ 1848 году оно возобновилось съ новой силой и настолько пошатнуло прусское владычество, что въ Берлинѣ сознали, что лучше добровольно отказаться отъ княжества, а то примѣръ демократическихъ институтовъ послѣдняго могъ оказаться лишь заразительнымъ для самихъ пруссаковъ.

Въ 1856 году невшательскіе монархисты попробовали было осуществить контръ-революцію, но были побиты; Наполеонъ III, воспользовавшись этимъ, предложилъ свои услуги въ качествѣ

¹⁾ Такого мнѣнія держался напр. Шульце, о. с., стран. 163 и 219.

²⁾ Въ германской литературѣ госуд. права иногда успѣшно проводилось сравненіе положенія Невшателя съ положеніемъ Ганновера, бывшаго одновременно членомъ германской федераціи и имѣвшаго «чужого», внѣ-живущаго, короля (Англии); крупнымъ различіемъ было, однако, то, что Германскія государства были монархіями.

³⁾ См. напр. Н. v. Treitschke, Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert, T. V (3 Aufl.), S. 726 (Staatengeschichte der neuesten Zeit, Bd. 28).

посредника, созвавъ въ Парижѣ особую конференцію. Договоръ, подписанный 26 мая 1857 года, разрѣшилъ дѣло мирнымъ образомъ; прусскій король, наконецъ, отказался отъ своихъ правъ на княжество, которое было теперь признано республикой и самостоятельнымъ кантономъ, членомъ швейцарской федераціи; монархистамъ же, участвовавшимъ въ контръ-революціяхъ, была гарантирована амнистія¹⁾. Этимъ былъ положенъ конецъ ненормальному совмѣщенію монархическаго принципа съ участіемъ кантона въ республиканской федераціи.

Таковъ въ краткихъ словахъ внѣшній ходъ событій, пережитыхъ Невшателемъ въ эпоху существованія суверенитета прусской короны. Интересно отмѣтить, что созданная въ 1814 году и закрѣпленная Вѣнскимъ конгрессомъ аномалія обращала на себя за предѣлами самого Невшателя очень мало вниманія; какъ историки, такъ и государствовѣды оставались равнодушными, несмотря на совершенно исключительныя условія существованія уніи Пруссіи съ Невшателемъ; объясненіе этому можно найти развѣ въ томъ фактѣ, что самъ Невшатель никогда не игралъ какой-либо важной политической роли въ исторіи Европейскихъ государствъ.

2.

Конституціонная хартія Невшателя была подписана Фридрихомъ-Вильгельмомъ III 18 іюня 1814 года²⁾. Во введеніи говорится, что, возстановляя прежній порядокъ вещей, прусскій король вмѣстѣ съ тѣмъ считался съ новыми социальными условіями и съ необходимостью присоединенія княжества къ Швейцарскому союзу. Ст. 1 сохраняетъ за королемъ суверенитетъ надъ княжествомъ со всѣми сопряженными съ нимъ привилегіями и доходами, но безъ права передачи таковыхъ младшимъ потомкамъ; ст. 2 обезпечиваетъ княжеству религіозную свободу, признавая, однако, протестантскую церковь главенствующей; ст. 3 гарантируетъ свободу передвиженія; согласно ст. 4 гражданскія и военныя должности въ княжествѣ могутъ быть занимаемы лишь природными невшательцами; исключеніе допущено только для должности губернатора; судьямъ обезпечена несмѣняемость. За королемъ сохранено право изданія полицейскихъ постановленій (*réglements de police*, art. VII); затѣмъ

¹⁾ См. напр. J. C. Bluntschli, *Geschichte des Schweizerischen Bundesrechtes*, Bd. I, 1875 (2 Auf.), S. 203—206, 540; G. A. Matile, *Monuments de l'histoire de Neuchâtel*; Chambrier, *Histoire de Neuchâtel et Valengin*.

²⁾ Она напечатана въ *Recueil de pièces officielles concernant la principauté de Neuchâtel et Valengin*, T. I, p. 235—243; также у Шульце, *о. с.*, стран. 286—292 въ «*Europäische Annalen*,» Jahrgang 1814, Bd. IV, S. 298 u. ff., Tübingen 1814.

идутъ статьи, обезпечивающія свободу торговли, неприкосновенность личности и др.; подати могутъ быть устанавливаемы лишь закономъ. Ст. 11 вводитъ общую воинскую повинность, но оговаривая, что Невшательскія войска могутъ быть употребляемы только на защиту княжества и для нуждъ федераціи, чѣмъ слѣдовательно исключалась возможность ихъ вызова для нуждъ Пруссіи; военная служба регулируется указами короля; кромѣ общихъ полковъ, учрежденъ былъ особый гвардейскій батальонъ въ составѣ 400 чел., который предоставлялся въ полное распоряженіе короля. Ст. 14 возстановляла древній сословный сеймъ въ лицѣ Audiences-Générales, подробности положенія коего должны были регулироваться особымъ закономъ. Наконецъ, послѣдняя ст. 15 сохраняла въ силѣ всѣ существующіе законы и административныя распоряженія.

Первое, что бросается въ глаза, при просмотрѣ хартии, это ея недоговоренность и краткость; государственный строй княжества не регулируется ею въ подробностяхъ, а лишь санкціонируется уже существующій; въ частности это касается правъ и привилегій короля-князя. Для точнаго опредѣленія конституціи Невшателя необходимо, слѣдовательно, имѣть въ виду прежнее его государственное устройство. Невшатель по старому былъ раздѣленъ на четыре «буржуазіи» (*les quatre Bourgeoisies*), разсматривавшіяся, согласно средневѣковымъ традиціямъ, какъ правовыя корпораціи («*Corps juridiques*»). Каждая изъ этихъ буржуазій собиралась въ извѣстное время года для рѣшенія общественныхъ дѣлъ; онѣ имѣли право представлять о своихъ трудахъ князю; фактически же дѣлами каждой изъ нихъ (*Neuchâtel, Landeron, Boudrid, Valangin*) заправляла небольшая олигархическая группа семей, державшая крѣпко въ своихъ рукахъ все политическое вліяніе.

Во главѣ княжества, какъ и прежде, стоялъ губернаторъ, представитель князя-короля¹⁾; онъ осуществлялъ всѣ функціи и обязанности монарха, созывалъ и предсѣдательствовалъ въ государственномъ совѣтѣ, подписывалъ всѣ государственные акты и законы, паспорта и правительственныя деклараціи, начальствовалъ надъ войсками, назначалъ должностныхъ лицъ и т. п. Административная и правительственная власть находилась въ рукахъ государственнаго совѣта, *Conseil d'Etat*, также древняго невшательскаго учрежденія; члены совѣта назначались княземъ, безъ ограниченія ихъ числа²⁾; обычно имѣлось 22 члена, при чемъ лишь 21 получалъ жалованье.

¹⁾ Во времена французскаго владычества иногда назначались и вице-губернаторы; въ эпоху прусскаго владычества этого не случалось.

²⁾ Иногда встрѣчались примѣры назначенія «почетныхъ», неприсутствующихъ членовъ совѣта.

Въ рукахъ совѣта была сосредоточена не только административная, но и судебная власть; совѣтъ назначалъ судей, имѣлъ надзоръ за отправленіемъ правосудія и дѣятельностью судовъ княжества и т. д.; онъ являлся, кромѣ того, высшимъ полицейскимъ органомъ, пользуясь правомъ изданія обязательныхъ постановленій. Ему же было предоставлено право «охраненія привилегій князя», въ родѣ, напримѣръ, права сдачи въ аренду княжескихъ охотъ и рыбныхъ ловль, горныхъ промысловъ и др. регалій, чеканки монеты, охраны государственной территоріи и государственныхъ имуществъ. Высшее финансовое управленіе княжества находилось также въ рукахъ совѣта, подъ контролемъ коего работала счетная палата (*Chambre des Comptes*). Наконецъ, подъ надзоромъ совѣта находились Общины и Церковь.

Должностными лицами княжества были канцлеръ, завѣдывавшій перепиской совѣта и князя, генераль-прокуроръ, охранявшій законность, генераль-казначей, генераль-коммисаръ, завѣдывавшій доходами княжества и архивами, прокуроръ Валенгина, генераль-адвокатъ, являвшійся представителемъ интересовъ князя и государства въ судахъ, секретарь государственнаго совѣта, и, наконецъ, начальники юрисдикцій (*Chefs de Jurisdiction*) или главные судьи 22 суд. округовъ (*Jurisdictions*).

Король являлся главнымъ начальникомъ мѣстныхъ войскъ, назначая непосредственно командующаго генерала; прочіе офицеры назначались губернаторомъ; въ вопросахъ внутренней организаціи военныхъ силъ, Невшателъ долженъ былъ подчиняться общимъ требованіямъ Швейцарскаго союза, а не Пруссіи; исключеніе и въ этомъ отношеніи составлялъ гвардейскій батальонъ, находившійся въ непосредственномъ распоряженіи короля.

Въ международныхъ сношеніяхъ король былъ сильно ограниченъ фактомъ участія княжества въ Швейцарской федераціи, которой одной было предоставлено рѣшать вопросы мира и войны и международныхъ союзовъ; только въ экономическихъ и полицейскихъ вопросахъ были кантоны самостоятельны и только иногда слѣдовательно могъ король-князь дѣйствовать свободно. Именно въ этой области мы находимъ уже упомянутое выше наиболѣе значительное ограниченіе власти прусскаго короля, не имѣвшаго права вовсе вмѣшиваться въ швейцарскія союзническія дѣла; всякое дѣло, касавшееся въ какомъ-либо отношеніи союза, должно было рѣшаться въ Невшателѣ, безъ санкціи и участія короля ¹⁾.

Другое ограниченіе королевской власти заключалось въ обязанности назначать на государственныя должности лишь природныхъ

¹⁾ См. напр. A. Piaget, *La session de Neuchâtel*, 1912, p. 64.

невшательцевъ. Королю принадлежали обычные права помилованія и возведенія въ дворянство, равно награжденія титулами и знаками отличія. Король, далѣе, пользовался особыми доходами отъ княжества, что въ послѣдствіи составило главный источникъ недовольства республиканцевъ и революціонеровъ.

Сословный сеймъ, не созывавшійся въ княжествѣ съ 1618 года, былъ восстановленъ Регламентомъ 26 декабря 1814 года и эдиктомъ 10 января 1816 года. Онъ долженъ былъ созываться губернаторомъ не рѣже, чѣмъ разъ въ два года; пропозиціи предлагались ему отъ имени князя генераль-прокуроромъ¹⁾; затѣмъ происходило обсужденіе этихъ пропозицій; депутаты представляли, однако, не отдѣльные сословія, а весь народъ, что ясно вытекаетъ изъ формы ихъ присяги; ни одинъ законъ не могъ быть изданъ, измѣненъ или отмѣненъ иначе какъ съ согласія сейма, но у короля имѣлось право veto или отказа въ санкціи законопроекта. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сеймъ могъ обсуждать и общія союзныя дѣла. Составъ сейма былъ очень своеобразенъ; въ него включались: 10 старшихъ членовъ государственнаго совѣта, 14 нотаблей (изъ коихъ 4 были духовныя лица, назначаемыя королемъ), старшіе судьи (не болѣе 24), и 30 выборныхъ членовъ, избираемыхъ, какъ и нотабли, пожизненно; сеймъ почти всегда находился въ полной зависимости отъ государственнаго совѣта. Такой порядокъ просуществовалъ до 1831 года, когда послѣ революціи былъ значительно усиленъ представительный элементъ²⁾.

Фактически вся власть и политическое вліяніе сосредоточивались въ рукахъ мѣстной олигархіи, пользовавшейся главнымъ образомъ услугами государственнаго совѣта³⁾. Сеймъ въ томъ видѣ, въ коемъ онъ оказался восстановленнымъ въ 1814 году, не могъ быть самостоятельнымъ и не оказывалъ серьезнаго вліянія на политику правительства; онъ былъ скорѣе громоотводомъ и ширмой, за кои прятался совѣтъ; къ элементамъ зависимости сейма слѣдуетъ прибавить указанный выше способъ созыва и право обсужденія лишь тѣхъ пропозицій, которыя предлагало правительство.

Судебная власть была организована слѣдующимъ образомъ: судебный надзоръ находился въ рукахъ государственнаго совѣта; затѣмъ, высшимъ апелляціоннымъ судомъ являлся Tribunal des Trois-Etats, а подчиненными ему судами—окружные суды (Jurisdictions). Валентинъ имѣлъ свой собственный высшій судъ. Оба

¹⁾ Подробнѣе см. «Règlement sur la manière de délibérer des Audiences générales du 17 Juin 1818».

²⁾ О сеймѣ см., напр., H. Schulze, о. с., cap. 6, S. 58 u. ff.

³⁾ См. напр. Grandpierre о. с. ch. XI et s.

высшихъ суда засѣдали подѣ председательствомъ губернатора; въ составъ ихъ входили: по 4 председателя (présidents) государственнаго совѣта, въ Невшателѣ — 4 шателена, а въ Валентинѣ — 4 мэра, въ Невшателѣ — 4 судьи — представители буржуазіи, а въ Валентинѣ — 4 начальника юстиціи (chefs de J.). Мы видимъ, слѣдовательно, что и въ высшихъ судахъ правительство располагало хорошо обезпеченнымъ большинствомъ голосовъ.

Остается упомянуть о способѣ, коимъ была установлена конституція 1814 года. Среди Невшательскихъ историковъ и юристовъ долго существовалъ ожесточенный споръ о значеніи актовъ, данныхъ прусскимъ королемъ, какъ въ 1806 году, такъ и въ 1814 году. Правильной, по нашему, является точка зрѣнія, согласно которой акты 1814 года суть слѣдствія «завоеванія»; прусское владычество было восстановлено силою оружія послѣ паденія Наполеона; такимъ образомъ новыя полномочія прусской короны были основаны на правѣ завоеванія, хотя королемъ *expressis verbis* подтвержденъ былъ существовавшій прежде государственный строй княжества. Воля Невшательскаго народа играла весьма малую роль въ совѣтахъ сѣверныхъ монарховъ и еще меньше на Вѣнскомъ конгрессѣ; такое весьма малое значеніе имѣло торопливое предложеніе государственнаго совѣта Невшателя, сдѣланное Фридриху Вильгельму; оно явилось лишь облегчающимъ политическимъ обстоятельствомъ, не имѣвшимъ юридическаго значенія, отказъ же Бертье отъ его правъ на княжество былъ вынужденъ силою оружія; съ точки зрѣнія права слѣдовательно имѣть значеніе лишь фактъ завоеванія¹⁾. Прусская литература, однако, не довольствовалась этимъ, а стремилась установить, кромѣ того, «договорное право» прусскихъ королей²⁾, «*eine vertragsmässige Succession*», ярко отражающее тогдашнее монархическое понятіе «собственности монарха на подвластныя ему земли и княжества», согласно этому послѣднему взгляду Фридрихъ-Вильгельмъ получилъ свои права на Невшатель, кромѣ завоеванія, и черезъ посредство акта отказа Бертье, подписаннаго въ Парижѣ 3 іюня 1814 года и санкціонированнаго затѣмъ Вѣнскимъ актомъ 1815 года³⁾.

Что же касается юридическаго значенія Вѣнскаго акта, то оно заключается въ закрѣпленіи въ международно-правовомъ отношеніи права прусскихъ королей на Невшатель; съ другой стороны,

¹⁾ Этого взгляда держалось подавляющее большинство современниковъ невшательцевъ; Grandpierre, Guinand (Fragments neuchâtelois, XI), Vattel (Droit des gens, T. II, ch. 13) и мн. др.

²⁾ Напр. Н. Schulze, *о. с.*, стран. 149; J. L. Klüber, *Droit des gens moderne*, S. 255 и др.

³⁾ Тексты актовъ напечатаны у Шульце, приложения XXIV—XXVIII.

Вѣнскій актъ санкціонироваль включеніе княжества въ Швейцарскую федерацію, ограничивъ этимъ въ значительной мѣрѣ власть короля-князя. Актъ этотъ регулировалъ такимъ образомъ внѣшнее положеніе Невшателя.

3.

Установленная актами 1814 года связь Невшателя съ Пруссіей обращала на себя весьма малое вниманіе теоретиковъ-государствовѣдовъ. Долгое время, съ легкой руки Германа Шульце (о. с., стран. 184 и сл.), въ литературѣ просто повторялось, безъ какихъ-либо доказательствъ, что между княжествомъ и Пруссіей существовала личная унія. Никто, конечно, не могъ отрицать, что Невшатель представлялъ собой государство, а не какую-нибудь провинцію, крайину, край или т. п.; въ государственномъ строѣ княжества имѣлись налицо всѣ необходимыя по понятіямъ XIX вѣка реквизиаты государственности, самостоятельная и автономная государственная власть, отдѣльная территорія, населенная народомъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ пруссаками, независимые отъ Пруссіи государственные органы, составляемые изъ гражданъ самого Невшателя, наконецъ, и свое собственное понятіе подданства. Все это въ сильной мѣрѣ способствовало признанію связи съ Пруссіей лишь личной уніей княжества съ королемъ («Rechtsbeziehungen zu Preussen und zum preussischen Königshause»¹); при этомъ связь эта была не временной, а постоянной; юридически она обособывалась, кромѣ того, и тождествомъ права престолонаслѣдія, благодаря которому прусскій король eo ipso долженъ былъ впредь быть невшательскимъ княземъ. Совершенно такое же построеніе находимъ мы и у Rönnе, другого идеолога прусской государственности середины минувшаго вѣка²). Въ такомъ видѣ вопросъ былъ воспринятъ и позднѣйшей литературой государственнаго права, безъ какой-либо критической провѣрки; всюду, гдѣ говорилось о личныхъ уніяхъ, упоминалось голословно и объ уніи Невшателя съ прусской короной; такъ напр. въ двухъ словахъ упоминаютъ о ней Ульманъ (E. Ullmann, Völkerrecht, 1898 г.) и даже Еллинекъ (Lehre von den Staatenverbindungen, 1882 г., стран. 87, прим. 8).

¹) «Das Verhältniss Neuenburg's zu Preussen ist das der reinsten Personalunion; das einzige Band dieser an sich getrennten Staatskörper ist die Person des Monarchen», говоритъ Шульце, стран. 184.

²) «Das Staatsrecht der Preussischen Monarchie», Bd. I (Leipzig, 1864), Th. I, Abt. I, S. 32, примѣч. I, стран. 124. «Eine Verbindung unter einem Herrscher, welcher in beiden Gebieten zur Regierung durch das Succession-Gesetz berufen ist». Въ отд. 3-мъ Рёнке даётъ подробную исторію территорій Прусской монархін, съ указаніемъ обширной тогдашней литературы вопроса. См. также: Hottinger, Neuenburg in seinen geschichtlichen und Rechtsverhältnissen zu der Schweiz und zu Preussen, 1853.

На неправильность подобной упрощенной формулы было указано мимоходом профессором бар. Б. Э. Нольде, сославшимся при этом на текст ст. 23 Вѣнскаго акта¹⁾; «Король прусскій, его наслѣдники и преемники, читаемъ мы тамъ, будутъ имѣть какъ и прежде въ полномъ державномъ владѣніи и собственности княжество Невшатель и графство Валенгинъ»; связь такимъ образомъ установилась не съ прусскимъ королемъ, а съ прусскою короною; у Невшателя не существовало вовсе какихъ-либо «собственныхъ» законовъ престолонаслѣдія, чѣмъ опровергается вышеприведенное мнѣніе Шульце о «параллельномъ» престолонаслѣдіи; съ другой стороны необходимо имѣть въ виду, что по тогдашнимъ понятіямъ король не былъ отдѣлимъ отъ короны и все принадлежащее государству принадлежало ему лично и *vice versa*; побѣдители Наполеона, возстановляя права Фридриха Вильгельма, eo ipso имѣли въ виду и саму Пруссію и ея «вознагражденіе». Наконецъ имѣлся еще одинъ связующій элементъ въ лицѣ прусскаго губернатора Невшателя; сама конституція 1814 года указывала, что губернаторъ былъ не невшательскій гражданинъ, а «внѣшній» (чужестранный) представитель короля. Такимъ образомъ получалась гораздо болѣе прочная, чѣмъ личная унія, связь княжества съ Пруссіей. Отцы актовъ 1814 года стремились установить именно прочную, постоянную связь, но въ тѣ времена всякое увеличеніе государства или государственной власти разсматривалось какъ естественное увеличеніе личной власти короля или вѣрнѣе даже его «имущества» властвованія. Имъ очень много помогло то обстоятельство, что въ Невшательскомъ вопросѣ приходилось лишь возстановлять старые институты, а не создавать новые, а институты эти носили средневѣковый характеръ, тѣхъ временъ, когда вся государственная власть разсматривалась дѣйствительно какъ «княжеское имущество» какъ въ прежнія времена, еще задолго до эпохи перваго прусскаго владычества надъ княжествомъ, такъ и теперь имѣлось въ виду «владѣніе», а не только властвованіе короля-князя.

Въ этомъ отношеніи и произошло нѣкоторое «возстановленіе владѣнія», оказавшееся къ несчастью довольно не современнымъ и потому маложизненнымъ, что блестяще было подтверждено послѣдующими революціонными событіями. Но рядомъ со старыми монархическими институтами были созданы и новые, явившіеся нѣкоторыми поправками и уступками времени. Къ числу таковыхъ мы относимъ гражданскую свободу, торжественно обѣщанную хартіей прусскаго короля, а въ особенности институтъ народнаго

¹⁾ Постоянно нейтральное государство, С.-Пб. 1905 г., стран. 375 и слѣд.

представительства, организованный довольно своеобразно въ лицѣ сейма (*Audiences générales*), стѣсненный и ограниченный, но все же обоснованный на новомъ для той эпохи принципѣ участія народа въ законодательствѣ.

Идея возстановленія связи Невшателя съ Пруссіей принадлежала сѣвернымъ монархамъ, участникамъ Священнаго Союза. Дѣло, однако, не обстояло столь просто, какъ представляютъ его себѣ невшательскіе историки ¹⁾; это не было вовсе, какъ они думаютъ, случайнымъ и спонтаннымъ актомъ побѣдителей Наполеона, которымъ невшательскій государственный совѣтъ напомнилъ о княжествѣ и предложилъ подчиненіе прусской коронѣ; невшательскими историками вовсе не принимается во вниманіе психологія монарховъ и ихъ совѣтниковъ, рѣшавшихъ въ Вѣнѣ судьбы Европы; между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что эта психологія сыграла видную роль въ невшательскомъ вопросѣ.

На Вѣнскомъ конклавѣ, какъ хорошо извѣстно, первую роль игралъ Александръ Павловичъ. Последнему же идеи, положенныя въ основаніе конституціи и хартіи 1814 года, были хорошо знакомы.

Современникамъ тѣхъ событій представлялось два неразрѣшимыхъ, загадочныхъ вопроса, повторяемыхъ въ большинствѣ невшательскихъ мемуаровъ ²⁾, а именно: откуда взялась идея возстановленія давно забытыхъ *Audiences générales* и какова была цѣль подобнаго возстановленія института народнаго представительства въ эпоху, когда монархи повидимому старались забыть о народномъ суверенитетѣ 1789 года, а во-вторыхъ, откуда шла идея дарованія невшательцамъ конституціонной хартіи съ обезпеченіемъ имъ правъ гражданской свободы? Повторяемъ, съ точки зрѣнія невшательцевъ оба эти вопроса представляются совершенно неразрѣшимыми загадками и такъ и остаются по сей день безъ должнаго отвѣта.

Если обратить однако вниманіе на другую сторону исторіи актовъ 1814—1815 гг., на событія, разыгрывавшіяся въ Вѣнѣ, мы получимъ довольно легкій отвѣтъ на нихъ: разгадка заключается во вліяніи Александра I и его политическихъ идеаловъ. Въ эпоху Вѣнскаго конгресса онъ еще не находился полностью подъ пагубнымъ вліяніемъ Меттерниха и не отказывался еще окончательно

¹⁾ См. Piaget, Introduction à l'histoire de la révolution neuchâteloise 1909; de Tribolet, Histoire de Neuchâtel et Valangin, 1846; Guinand, Fragments neuchâtelois; F. de Chambrier, Mensonges historiques sur Neuchâtel, 1880; Numa Droz, La République neuchâteloise, 1898; Majer, Geschichte des Fürstenthums Neuenburg; J. Meyer, Geschichte des Schweizerischen Bundesrechts и др.

²⁾ Напр. Grandpierre, о. с., стран. 72 и 49; Guinand, о. с., и нѣк. др.

отъ своихъ конституціонныхъ идеаловъ. Вѣдь, какъ разъ ему и въ тѣ же годы обязана была Польша своею конституціей и сеймомъ. Пруссійскій король, по всей вѣроятности, мало задумывался надъ вопросомъ о невшательскомъ представительствѣ, какъ правильно полагаютъ тамошніе историки, но Александръ считалъ нужнымъ установленіе этого института, а Фридрихъ-Вильгельмъ принужденъ былъ подчиняться волѣ русскаго литератора. Оттуда же происходила идея дарованія княжеству конституціонной хартіи, ограничившей власть прусскаго короля.

Подробности участія Александра въ разрѣшеніи невшательскаго вопроса совершенно еще не выяснены историческою наукой; но уже двѣ указанныхъ основныхъ мысли подтверждаютъ фактъ его вліянія на Фридриха-Вильгельма. Ближайшее знакомство съ невшательскими актами 1814—1815 гг. выясняетъ одинъ знаменательный фактъ—ихъ огромное сходство въ основныхъ чертахъ съ конституціей Финляндіи 1809 года. Дѣйствительно, въ обоихъ случаяхъ народъ дѣлится на четыре сословія, съ обезпеченіемъ главенства и тутъ и тамъ небольшой олигархической группѣ; далѣе, монархъ-князь живетъ внѣ государства, находясь одновременно во главѣ большаго государства, отъ коего меньшее въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ зависитъ; единство монарха обезпечивается закономъ о престолонаслѣдіи; крупнымъ различіемъ, однако, является постановка вопроса о внѣшнихъ сношеніяхъ: тогда какъ въ Финляндіи вѣдомство этихъ дѣлъ предоставлено было полностью русскому монарху, въ Невшателѣ прусскій король былъ ограниченъ тѣмъ фактомъ, что княжество одновременно участвовало въ швейцарской федераціи и зависѣло отъ послѣдней во многихъ вопросахъ внѣшней политики. Большое сходство мы находимъ и въ способѣ представительства князя-монарха; такъ какъ въ обоихъ случаяхъ монархъ находился постоянно внѣ государства, то личность его была представлена въ самомъ княжествѣ губернаторомъ, стоявшимъ во главѣ исполнительной власти, предсѣдательствовавшимъ въ совѣтѣ, назначавшимъ должностныхъ лицъ и т. д., совершенно аналогично положенію финляндскаго генераль-губернатора того времени; существенной гарантіей обоихъ княжествъ являлось аналогичное постановленіе о мѣстныхъ чиновникахъ, кои могли назначаться исключительно изъ гражданъ даннаго княжества, чѣмъ таковыя ограждались отъ наплыва чужестранцевъ и отъ злоупотребленій чужой для нихъ государственной власти; подобную же гарантію мы находимъ и въ нормахъ, регулировавшихъ положеніе мѣстныхъ войскъ, которыя могли быть употребляемы лишь для защиты даннаго княжества; Пруссія не могла вызывать невшатель-

скія войска для какихъ-нибудь собственныхъ нуждъ или войнъ. Еще большія черты сходства имѣются въ организаціи двухъ главнѣйшихъ органовъ княжествъ: государственнаго совѣта и сейма; въ Невшателѣ, какъ и въ Финляндіи, вся административная и судебная власть сосредоточивалась въ рукахъ совѣта, находившагося подъ предѣдательствомъ губернатора; интересно даже совпаденіе названія этого высшаго органа и совмѣщеніе въ его вѣдомствѣ съ прочими функціями высшаго судебного надзора. Такое же удивительное сходство находимъ мы и въ положеніи законодательнаго органа княжествъ: въ обоихъ случаяхъ была та же зависимость отъ правительства, тотъ же недостатокъ инициативы, тѣ же правительственныя пропозиціи, та же законоохранительная дѣятельность прокурора, наконецъ и то же малое политическое вліяніе.

Столь многія и столь существенныя черты сходства, конечно, не могутъ быть объясняемы однимъ лишь случайнымъ совпаденіемъ. Съ другой стороны, почти буквально то же самое можетъ быть повторено и относительно польской конституціи, дарованной Александромъ въ ту же эпоху. Но, да не подумаетъ читатель, что мы хотимъ сказаннымъ установить полное тождество этихъ конституцій или прямое заимствование институтовъ изъ одной въ другую¹⁾. Мысль наша сводится лишь къ указанію на сходство главныхъ идей, положенныхъ въ основаніе этихъ конституцій, свидѣтельствующее, что акты эти вышли изъ одной и той же лабораторіи, созданы одними и тѣми же лицами, во главѣ коихъ несомнѣнно стоялъ Александръ Павловичъ. Сходство названныхъ конституцій объясняется тремя общими причинами: 1) возстановленіемъ одинаковыхъ институтовъ прежняго времени, со включеніемъ средневѣковаго понятія сословнаго представительства, 2) сходствомъ конструкціи отношеній меньшаго государства къ большому и къ монарху послѣдняго, и 3) общей политической программой творцовъ этихъ актовъ. Съ другой стороны, указанное сходство подтверждаетъ намъ тотъ фактъ, что данныя, какъ политическая комбинація, такъ и теоретическая конструкція, не были случайными выдумками, а результатомъ продуманной именно Александромъ системы.

Въ основу конституцій была заложена нѣкоторая знаменательная двойственность. Съ одной стороны мы находимъ почти средне-

¹⁾ Нельзя упускать изъ виду, что наиболѣе существенной чертой различія между Финляндіей и Невшателемъ, конечно, являлось участіе послѣдняго въ Швейцарской федераціи; таковое придавало Невшателю значительно большую самостоятельность, а въ послѣдствіи отсюда произошли революціонныя и сепаратистическія вліянія, приведшія къ разрыву связи съ Пруссіей.

вѣковое отождествленіе государства съ монархомъ, широкія личныя привилегіи князей, съ другой — уступку вліяніямъ времени возстановленіемъ нѣкоторой формы народнаго представительства, правда, ограниченнаго, урѣзаннаго, стѣсненнаго со всѣхъ сторонъ, но все же отражавшаго новую для того времени связь правительства съ народомъ. Здѣсь опять-таки приходится отмѣтить, что именно данная двойственность и противорѣчивая формула государственности была излюбленной идеей Александра.

Необходимо также указать и на другую основную черту этихъ конституцій: мы имѣемъ въ виду тождественный характеръ установленной ими связи меньшаго государства съ большимъ; таковая была создана въ лицѣ монарха большаго государства; здѣсь и только здѣсь находился весь центръ тяжести этой формы единенія, чѣмъ легко объясняется послѣдующая общая ошибка государствовѣдovъ, считавшихъ данные примѣры единенія личными уніями; изслѣдователями, историками, какъ и юристами, не учитывалось одно очень важное обстоятельство: какъ мы уже не разъ указывали, въ ту эпоху не произошло еще отдѣленія личности монарха отъ государства и менѣе всего подобное отдѣленіе приходило въ голову упомянутымъ правителямъ Сѣвера. Благодаря существовавшей тогда столь еще тѣсной связи монарха съ государствомъ, невольнo получилаcя гораздо болѣе тѣсная связь и съ присоединенными къ данной «коронѣ» владѣніями-княжествами; соединеніе Невшателя съ Пруссіей, какъ и унія Финляндіи съ Россіей получили вслѣдствіе этого болѣе тѣсный характеръ, чѣмъ личная и потому случайная унія двухъ государствъ [въ коихъ произошло случайное совпаденіе (*communio incidens*) правъ на престолъ одного и того же монарха (Кокошкинъ)].

Такимъ образомъ выработалось совершенно своеобразное понятіе реальной уніи, въ которой составныя части не были равны и равнозначущи, а одна изъ нихъ являлась меньшей, болѣе стѣсненной въ осуществленіи государственныхъ функцій, чѣмъ другая, болѣе большая и самодовлѣющая. Источникомъ этой комбинаціи были: 1) завоеваніе и 2) международное соглашеніе, закрѣпленное Вѣнскимъ актомъ; единеніе этихъ двухъ государствъ выражалось въ цѣломъ рядѣ институтовъ, въ центрѣ коихъ стоялъ общій монархъ, представителемъ же его въ княжествѣ, осуществлявшимъ тамъ его функціи, былъ губернаторъ, назначаемый изъ Берлина¹⁾; гарантирована была эта унія правовыми обязательствами, возложенными

¹⁾ Невѣрно полагаетъ Еллинекъ «dass in der Regel auch keine Institutionen vorhanden sind, in denen eine Gemeinsamkeit zum Ausdrucke kommen könnte»; «Allg. Staatslehre», 1900, S. 685.

...овъ на обѣ стороны; Невшателъ былъ при-
... правомочія Прусской короны, а послѣдняя была
... тѣмъ, что ей было предоставлено хартией и кон-
... 1814 года и Вѣнскимъ актомъ 1815 года. Отъ современнаго
понятія реальной уніи уніа Невшателъ съ Пруссіей 1814 года
отличалась указаннымъ выше неравенствомъ составныхъ частей¹⁾;
подобная конструкція по самому своему существу должна была
имѣть временный, преходящій характеръ; при неравенствѣ частей
не могло установиться постояннаго равновѣсія, вслѣдствіе чего
силою необходимости должно было либо развиваться увеличеніе
самостоятельности меньшей части (что на самомъ дѣлѣ и имѣло
мѣсто какъ въ Невшателѣ, такъ и въ Финляндіи), либо сокращеніе
автономіи, вплоть до полнаго подчиненія меньшей части бѣльшей.
Такова политическая судьба названной неестественной формы
реальной уніи начала XIX вѣка, формы, въ коей еще чрезвычайно
сильно отзывалось дѣйствіе остатковъ идей и институтовъ *ancien
regime* XVII и XVIII столѣтій²⁾. Конструкція уніи 1814 года
могла функционировать лишь постольку, поскольку были налицо
поименованныя выше условія: съ одной стороны, пока еще не вы-
мерла окончательно идея отождествленія государства съ монархомъ,
а съ другой, доколѣ могли мирно уживаться отмѣченныя противо-
рѣчія новой идеи народнаго представительства съ прежнимъ по-
нятіемъ монархическаго абсолютизма. Какъ только, къ серединѣ
прошлаго вѣка, первая идея умерла, а народное представительство
одержало полную побѣду надъ абсолютизмомъ, такъ неизбѣжно
должна была вымереть, либо преобразоваться и указанная форма
уніи Невшателъ съ Пруссіей.

Очень характерно для подобнаго рода соединенія государствъ,
что при немъ не имѣется общности политической жизни частей уніи;
каждая изъ нихъ развивается совершенно самостоятельно.

Историческое значеніе разобранныхъ нами основныхъ идей,
заложенныхъ въ основаніе Невшательскихъ актовъ 1814—1815 гг.,
сводится еще и къ слѣдующему; изученіе ихъ, по нашему крайнему
разумѣнію, должно быть положено фундаментомъ для разработки
исторіи финляндской конституціи 1809 года, да и всей Алексан-
дровской эпохи. Повторяемъ, элементы сходства Невшательской и
Финляндской конституцій — вовсе не случайное явленіе, наоборотъ,
они ясно показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ нѣкоторыми основ-

¹⁾ Ср. съ конструкціей проф. Германсона уніи Финляндіи съ Россіей.

²⁾ См. напр. Iellinek, *Lehre von den Staatenverbindungen*, S. 137 ff.,
Recht des modernen Staates, Staatenverbindungen, Kap. 21, *Oberstaat und
Unterstaat*.

ными идеями политическаго міросозерцанія
и Александра I въ частности; тогда считалось,
пустимымъ соединеніе двухъ неравныхъ государс-
веніи каждому изъ нихъ политѣйшей государственной
тельности.

Въ обоихъ указанныхъ примѣрахъ мы имѣемъ созданный
политическою жизнью начала прошлаго вѣка первый шагъ къ го-
раздо болѣе сложнымъ формамъ государственнаго единенія конца
XIX столѣтія.

Проф. С. А. Корфъ.

00669815

ЮФ СПбГУ